

Э.В. Хилханова

Бурятский государственный университет

**Этническая идентичность как субъективный фактор
коллективного выбора языка:
теоретико-методологический аспект¹**

Аннотация: В статье акцентируется внимание на субъективных факторах при изучении вопросов сохранения и витальности миноритарных языков. Показывается, что учет «человеческого фактора» при анализе социолингвистических данных, их соотнесение с особенностями этнических групп позволяет получить чрезвычайно интересные результаты, проливающие дополнительный свет на причины, условия и механизмы сохранения или исчезновения миноритарных языков, особенности развития и функционирования языков в условиях дву- и многоязычия.

Ключевые слова: миноритарные языки, двуязычие, антропоцентрическая парадигма, этноязыковая политика, этнос, витальность, субъективный и объективный фактор, статус, социальная позиция.

Сформировавшаяся на рубеже тысячелетий антропоцентрическая парадигма языкознания характеризуется, как известно, переключением интереса исследователя с объекта познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке – то, что еще младограмматиками называлось изучением «говорящего человека» [Остгоф, Бругман, 1960, с. 153].

С точки зрения антропоцентрического подхода многие предметные области одной из междисциплинарных отраслей языкознания – социолингвистики – и связанные с ней понятия могут быть рассмотрены в терминах *выбора языка*. Билингвизм и диглоссия, переключение кода, этнолингвистическая витальность – все является результатом сознательного или неосознанного выбора говорящих между языками или вариантами одного языка. Под выбором языка мы понимаем систему социально-культурно, социально-психологически, историко-политически обусловленного речевого поведения этноязыкового сообщества в ситуации дву- или многоязычия.

Известно, что при языковом контактировании на выбор языка могут влиять три группы факторов: внешние, объективные (этноязыковая политика государства, влияние модернизации и глобализации, численное соотношение между национальным большинством и меньшинством, наличие или отсутствие институциональной поддержки и т.д.), внутренние (внутриязыковые) (изменения в структуре языка, история письменности, наличие или отсутствие в языке лексем для обозначения новых реалий и т.д.) и субъективные (отношение к языку, включающее в себя оценочные языковые установки самой этнической группы; мотивация к его использованию; поведенческие и речевые стереотипы; языковая приверженность (language loyalty) группы к этническому языку и т.д.).

¹ Статья подготовлена в Институте этнологических исследований им. Макса Планка при поддержке Немецкой службы академических обменов (DAAD)

Безусловно, не всегда возможно провести четкое разграничение между субъективными и объективными детерминирующими факторами выбора языка, и чаще всего субъективные детерминирующие факторы являются производными от объективных: так, оценка статуса языка своей этнической группы как «низкого», препятствующая его употреблению, как правило, является результатом «второстепенного» положения его носителей по сравнению с демографическим большинством, сознательной политики государства или ее отсутствия, что, по существу, является тоже политикой. Тем не менее, существуют факты, не позволяющие однозначно трактовать субъективные факторы как производные от объективных – так, существует множество парадоксальных примеров сохранения миноритарных языков в неблагоприятных внешних условиях и, наоборот, их утери даже при наличии институциональной поддержки.

Хотя позиция автора данной статьи близка тем, кто считает, что смерть языка редко возникает в богатых и привилегированных сообществах, а почти всегда в сообществах, лишенных власти, территорий, или возможностей для поддержки и развития культуры, т.е. почти всегда является «частью более широких процессов социального, культурного и политического неблагополучия» [Fishman, 1995], мы глубоко убеждены, что пришло время лингвистам обратить внимание на субъективные детерминирующие факторы, в первую очередь оценочные установки самой этнической группы по отношению к языку, выливающиеся в конкретное языковое поведение. Для изучения вопросов сохранения и витальности миноритарных языков необходимо анализировать, помимо внешних, объективных, также и субъективные факторы.

Соотношение субъективных и объективных факторов многообразно и трудно поддается теоретизированию. Рассмотрим для начала возможные и реальные комбинации объективных и субъективных детерминирующих факторов и языковые ситуации как результат их комплексного действия (см. табл. 1).

Таблица 1

Субъективные и объективные факторы и обусловленные ими языковые ситуации

Объективные факторы	Субъективные факторы	Миноритарные языки: языковая ситуация	Пример языка
+	+	+	Иврит
-	-	-	Ненецкий язык
-	+	+	Чеченский язык
+	-	-	Ирландский язык

В таблице представлены четыре комбинации субъективных и объективных факторов, где плюсом отмечены благоприятные (положительные), а минусом – соответственно неблагоприятные (негативные) случаи, а также результаты – современные языковые ситуации с некоторыми миноритарными языками. Следует подчеркнуть, что мы не рассматриваем диахронический срез – так, например, внешние факторы в ситуации с ивритом до создания государства Израиль отнюдь не были благополучными.

Итак, как мы видим, сочетание одинаковых (только положительных или только отрицательных) субъективных и объективных факторов гарантированно дает соответствующий результат, как в ситуации с ивритом¹ или ненецким язы-

¹ Иврит представляет собой уникальный пример возрождения языка, который раньше имел лишь символическую функцию, но, став государственным языком Израиля, приобрел и развитую коммуникативную функцию, а для тех, кто там родился, стал материнским языком.

ком¹, да и трудно было бы, наверное, ожидать иного. Некоторые могли бы возразить, что неправомерно сравнивать такие языки, как иврит и ненецкий, как с точки зрения статуса языка, так и численности говорящих. Однако тот факт, что иврит является государственным языком, а ненецкий – нет, как раз свидетельствует о том, что наличие у этноса собственной государственности, как правило, влечет за собой придание языку данного этноса статуса государственного, что является решающим фактором витальности языка при наличии *желания* этноса говорить на этом языке. Что касается численности говорящих, уже многократно было доказано, что этот параметр не имеет существенного влияния на сохранение языка [см., напр.: Nelde et. al., 1996].

Так, если рассмотреть параметр численности населения на примере бурятского этноса, то на первый взгляд, русские продолжают составлять демографическое большинство как в Республике Бурятия, так и в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе. В целом по этнической Бурятии² в 2002 г. численность бурят составила 543 998 человек, а русских – 764 512 человек. Однако при более глубоком рассмотрении просто соотношение численности русского и бурятского населения как таковое мало что дает для объяснения неблагоприятной для бурятского языка языковой ситуации, здесь более важным являются *статус* и *социальные позиции* представителей обоих этносов в процентном соотношении. По статистическим данным, в целом, концентрация бурят в региональных властных, образовательных, медицинских и научных структурах в полтора – три с лишним раза превышает их долю во всем населении республики [Панарин, 2005, с. 63].

Из этого можно сделать вывод, что в руках бурят имеются институциональные рычаги для влияния на языковую ситуацию в плане мер по поддержке и продвижению бурятского языка в общественных сферах. Вопрос в том, что как демографический, так и институциональный факторы мало используются для улучшения положения бурятского языка. Следовательно, причины утраты бурятским языком общественных функций, дальнейшей языковой ассимиляции и пиджинизации языка на современном этапе, в период национально-культурного возрождения следует искать в отношении к языку представителей самого бурятского этноса, т.е. в субъективных детерминирующих факторах. Заметим, что большинство дву- и многоязычных языковых ситуаций в мире являются гораздо менее благоприятными для миноритарных языков как с точки зрения численности, так и социального положения и статуса их носителей: так, например, численность *всех* народов Севера, по данным переписи 1989 г., составляла 181 517 человек, а самой многочисленной национальностью являлись среди них ненцы (34 190 человек).

Более интересными для анализа влияния внешних и субъективных факторов на языковые ситуации являются случаи, когда один из факторов является неблагоприятным. В ситуации с чеченским языком таковым является внешний фактор – языковая политика СССР, политика России в отношении Республики Чечня, длительное военное противостояние, что отразилось на всех сторонах жизни в этой республике, не исключая и языковую; тем не менее, по данным переписи 2002 г., 95,9 % чеченцев владеют чеченским языком. Следовательно, столь благополучная языковая ситуация среди чеченцев может быть отнесена только на счет внутреннего фактора.

¹ Мы взяли в качестве примера ненецкий язык, чтобы сравниваемые языки были относительно сопоставимы – ненецкий язык имеет наибольшее количество говорящих – 34 190 человек и бытует «...в условиях наиболее благоприятной языковой ситуации из числа всех языков малочисленных народов Севера. ...устойчиво функционирует в местных средствах массовой информации, по крайней мере, в Ямало-Ненецком АО» [Бурькин, 2004, с. 352].

² Под этнической Бурятией традиционно понимается Республика Бурятия (РБ), Агинский Бурятский автономный округ Читинской области (АБАО) и Усть-Ордынский Бурятский национальный округ Иркутской области (УОБАО).

В одной из наших работ [Хилханова, 2006], анализируя данные переписи 1989 г., мы уже говорили о том, что степень языковой ассимиляции или, напротив, приверженности языку своего народа у этносов Российской Федерации сильно варьирует, хотя языковая политика проводилась в советский период в равной степени в отношении всех нерусских национальностей. Тем не менее, некоторые из них (например, народы Северного Кавказа, якуты) довольно успешно сопротивлялись не намеренной, но тем не менее фактической языковой ассимиляции, в то время как многие национальности бывшего СССР, включая евреев, белорусов, поляков, алеутов и др., почти полностью переключились на русский язык. Данные переписи 1989 г. демонстрируют незначительную, почти отсутствующую ассимиляцию у народов Северного Кавказа (не более 7% чеченцев, аварцев и осетин назвали русский язык родным) и почти полную ассимиляцию у евреев – более 90% из них рассматривают русский язык в качестве родного. Несколько более противоречивая картина у прибалтийских народов – эстонцев, латвийцев, литовцев: при степени языковой ассимиляции от 39% до 58% отношение их к русификации было крайне негативным; более того, языковой вопрос был эффективно использован националистическими движениями, приведшими в итоге к распаду Советского Союза, и процесс этот начался именно в Прибалтике.

Что касается ирландского языка, то, в отличие от чеченского, внешние факторы для него с конца XIX века были относительно благоприятными: с этого периода была принята сначала неформальная, а потом формальная языковая политика, направленная на уменьшение потери языка [Edwards, 1985]. Несмотря на это, реальность ирландского языка как быстро утрачивающегося языка теперь совершенно очевидна. Например, обширное социолингвистическое исследование, проведенное в 1970-х гг. под названием «Комитет по исследованию установок по отношению к ирландскому языку» [CILAR, 1975], выявило, что менее 3% населения использовали ирландский регулярно. Также было установлено наличие весьма незначительного интереса к восстановлению ирландского языка, враждебность по отношению к обязательным аспектам, связанным с изучением ирландского языка и значительный пессимизм в отношении поддержки еще используемого ирландского языка (внутренний фактор). По наблюдениям CILAR, «среднестатистический человек придает символическую роль ирландскому языку в этнической идентификации и считает его культурной самоценностью..., [но это] ограничивается общим пессимистическим взглядом на будущее языка и ощущением его несоответствия современной жизни» [Там же, с. 29]. Это заключение переключается с более сжатым и, безусловно, более циничным наблюдением Ашера: «Ирландцы, конечно, любят ирландский язык, но они любят его мертвым» [Usher, 1949, с. 107].

Соответственно, как в случае с чеченским, так и в случае с ирландским языком необходимо констатировать определяющую роль субъективных факторов. Более того, представляется продуктивным искать причины витальности или, наоборот, утраты языка в том, какое место он занимает в структуре этнической идентичности и даже в ее природе.

Картина языковой ассимиляции нерусских народов бывшего СССР позволяет предположить, во-первых, существование этнических групп с «сильной» и «слабой» идентичностью, во-вторых, наличие более или менее лингво-ориентированных культур (language-centered cultures – термин Смолича и Секомбле) [Smolicz and Secombe, 1988], или «языковых» и «неязыковых» наций [ср.: Крупа, Ондрейович, 2002]. Группы с сильным ощущением и осознанием своей этнической идентичности, также как и лингво-ориентированные культуры, имеют более крепкие связи с языком своей этнической группы, в то время как группы со «слабой» идентичностью, меньше придающие значение языку, легче ассимилируются

и расстаются со своим языком, однако первое не обязательно предполагает второе.

«Сильная» или «слабая» идентичность связана с восприятием членами группы ее границ: в первом случае границы группы воспринимаются как твердые и непроницаемые, т.е. такие, которые почти невозможно пересечь, и ассимиляционный вариант исключен или маловероятен. Во втором случае этнические границы воспринимаются как проницаемые – члены группы не отторгают и вообще достаточно толерантно относятся к «чужакам» и сами могут ассимилироваться.

Вряд ли кто будет оспаривать взаимосвязанность долгой истории военного противостояния России и Чечни и отношения чеченцев и ингушей к русскому языку. Именно чеченцы (наряду с ингушами) дали наименьший процент признавших русский язык родным среди всех народностей России (0,68% и 1,06 % соответственно) и один из наибольших процентов по количеству населения, не говорящего по-русски свободно (24,92 %). Пожалуй, чеченцы представляют собой яркий пример этноса с «сильной» идентичностью, являющегося носителем лингво-ориентированной культуры.

Безусловно, теория о наличии этнических групп с «сильной» и «слабой» идентичностью и различной языковой ориентированностью является спорной, но во многих случаях обладает экспланаторной ценностью. Объяснение причин, почему некоторые этносы сохранили свой этнический язык и оказались устойчивыми к языковой ассимиляции, а некоторые – нет, – чрезвычайно сложная и многоаспектная задача, где каждая языковая ситуация должна быть рассмотрена отдельно, с учетом как внешних, так и субъективных факторов.

Доказательством необходимости комплексного подхода является пример с российскими евреями, которые всегда имели очень сильное ощущение этнической идентичности, однако поскольку в советский период они были лишены возможностей для поддержания своего языка (вне Еврейской автономной области), включая школы на национальном языке, СМИ, театры и т.д., у них просто не было другого выбора, кроме языковой (но не этнической) ассимиляции.

Мы полагаем, что в период, когда активно действуют внешние факторы (например, государство проводит открытую или скрытую репрессивную этноязыковую политику в отношении миноритарного языка), результатом является языковой сдвиг в пользу мажоритарного языка, а в период, когда действие негативных внешних факторов ослаблено или отсутствует, отношение языковой общности к языку является решающим фактором сохранения или утраты языка.

В пользу этого тезиса говорят многочисленные факты: например, во Франции, где традиционно языковая политика в отношении меньшинств была крайне жесткой, и более полутора веков, со времен Великой Французской революции, официальное использование в любой сфере всех языков и диалектов, кроме стандартного французского, было запрещено, с 1951 г. началась либерализация законодательства [Edwards, 1994, с. 154]. Сейчас права языков меньшинств (как исконных, так и иммигрантских) во Франции гарантируются законом, а расширение функций этих языков особенно заметно в сфере школьного образования. Тем не менее, эта либерализация не укрепила позиции таких малых языков, как бретонский язык или немецкие диалекты Эльзаса. Напротив, ученые отмечают, что именно в 1960-1980-е гг., когда их уже не запрещали, бретонцы и эльзасцы стали особенно быстро переходить на французский язык [Larousse, 1987, с. 60-61].

П. Траджилл приводит схожий пример с валлийцами и кельтоязычными шотландцами (гэлами) в Великобритании. По отношению к этим родственным по языку меньшинствам проводилась более или менее однотипная политика: с начала второй половины XX века жесткая ассимиляторская политика сменилась более либеральной, включавшей развитие школьного обучения на малых языках. Однако эффект оказался разным: если в Уэльсе новая политика имела некоторый

успех, то в Шотландии опыт не оказался удачным, поскольку сами гэлы, в отличие от валлийцев, предпочитают учиться по-английски [Trudgill, 1983, с. 147].

Пример с валлийцами и гэлами, помимо подтверждения того, что при либеральной языковой политике именно отношение этнической группы к языку является решающим фактором сохранения языка, говорит о правомерности тезиса о наличии этнических групп с «сильной» и «слабой» идентичностью и различной языковой ориентированностью. Без специального анализа мы можем только предположить, что валлийцы – обладатели более «сильной» идентичности, чем гэлы, и культура первых в большей степени лингво-ориентированна, чем культура последних.

О значимости языковой общности говорится также в работе В.К. Журавлева, который полагает, что сама социалема¹ детерминирует функционирование и развитие своего языка, социализирует, присваивает либо отвергает те или иные варианты языковой техники, порождаемые эволюционирующей структурой языка [Журавлев, 1982, с. 7].

Причина сохранения или утери языка может также зависеть от того, что является «основной культурной ценностью» (термин Смолича) [Smolicz, 1979], другими словами, от того, что является основой этнической идентичности. Если это не язык, а, например, религия, как в случае с ирландцами, то нация не столь уж озабочена утратой этнического языка, по крайней мере в практическом аспекте (в качестве символа язык может существовать до тех пор, пока жив последний представитель народа, говорившего на нем).

В отечественной социолингвистике проблемы миноритарных языков и, соответственно, выбора между миноритарным и русским языками традиционно рассматривались в рамках наиболее емкого из социолингвистических понятий – понятия языковой ситуации. Учеными отмечается, что в последнее время шкала описания конкретной языковой ситуации намного расширилась и включает множество параметров и факторов. Современные авторы включают в научное понятие «языковая ситуация», помимо национально-демографических, лингвистических, материальных факторов также и человеческий фактор – «ценностные ориентации носителей языков, их языковая компетенция, их готовность обучиться второму языку самостоятельно и т.д.» [Солнцев, Михальченко, 1992, с. 15].

В одной из наиболее полных классификаций языковая ситуация характеризуется не только по количественным (число идиомов, составляющих языковую ситуацию, число говорящих на каждом идиоме, количество коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, число функционально доминирующих идиомов), качественным (лингвистические характеристики идиомов, структурно-типологические отношения между ними, функциональная равнозначность/неравнозначность, характер доминирующего идиома – местный или «импортированный»), но и аксиологическим (оценка говорящим различных идиомов) параметрам [Виноградов, 1990, с. 616-617].

Субъективные параметры языковой ситуации упоминаются и А.Д. Швейцером, который относит к языковой ситуации и социальные установки, которых придерживаются в отношении указанных систем члены соответствующих языковых и речевых коллективов [Швейцер, 1976, с. 134]. Совокупность оценок языковым коллективом своего идиома по разным параметрам: коммуникативная пригодность, престижность, эстетическая ценность и т.д., составляет языковую приверженность (лояльность) коллектива.

Тем не менее, следует констатировать, что как в зарубежной, так и в отечественной социолингвистике пока еще недостаточно работ, где во главу угла ставились бы не внутриязыковые и объективные, а субъективные внутригрупповые

¹ Предложенный Ю.Д. Дешериевым термин «социалема» обозначает любую социальную общность людей, говорящих на одном языке [Дешериев, 1977, с. 312].

факторы, хотя значимость последних для сохранения языка сегодня уже не подвергается сомнению. Так, А.Е. Кибрик и М.Э. Даниэль утверждают, что «...существованию языка в первую очередь угрожает не численность его носителей, а их безразличие к его утрате или предпочтение языка-конкурента в качестве языка общения с детьми» [Кибрик, Даниэль, 2005, с. 6].

Б. Спольски, рассуждая на эту тему, говорит уже не о мотивации или отношении к языку его носителей, а, цитируя другого исследователя, Д. Трима, о том, что сохранение и поддержка языка являются «в такой же степени обязанностью говорящих, как и их правом». Он не разделяет мнение защитников лингвистических прав, которые полагают, что государство обязано поддерживать миноритарные языки. «В то время как я могу ожидать от государства признания моего права практиковать определенную религию или говорить на определенном языке, – пишет он, – я не ожидаю того, что государство обяжет меня выполнять мои религиозные обязанности или продолжать говорить на языке, который я унаследовал от своих родителей. Создание условий говорить на выбранном языке – резонное ожидание от государства, которое уважает права своих граждан и права человека. Но общепризнанно, что далее ответственность говорить и тем самым сохранять язык падает на индивидуального говорящего (и на группу говорящих), а не на государство» [Spolsky, 2004, с. 131].

К работам социолингвистического плана, исследующим «говорящего человека», следует отнести в первую очередь исследования Н.Б. Вахтина [Вахтин, 2001; Вахтин, Головки, 2005]. Так, Н.Б. Вахтин пишет, что «...возвращение языков малых народов может произойти только тогда, когда возникает *мотивация* его использования, когда вырастает его престиж и соответственно укрепляется приверженность народа своему языку (*language loyalty*). Эта мотивация может быть идеологической, социально-психологической, даже экономической. Человек может захотеть говорить на титульном языке для того, чтобы получить определенный социальный капитал, чтобы подчеркнуть этническую идентичность, чтобы отделить себя от соседних народов, просто «в знак протеста». Именно этот процесс происходил в 1990-е годы и происходит сейчас повсеместно на Крайнем Севере РФ, и не только на Севере» [Вахтин, Головки, 2005, с. 42].

В заключение следует заметить, что учет «человеческого фактора» при анализе социолингвистических данных, соотнесение последних с особенностями тех или иных этнических групп позволяет получить чрезвычайно интересные результаты, которые могут пролить дополнительный свет на причины, условия и механизмы сохранения или, наоборот, исчезновения миноритарных языков, особенности развития и функционирования языков в условиях дву- и многоязычия. Полное понимание причин языковых ситуаций, сложившихся на сегодняшний день в различных регионах мира, в том числе и в национальных регионах Российской Федерации, может иметь значимость и в плане языковой политики, планирования и прогнозирования, а также, надеемся, будет способствовать осознанию миноритарными этносами того факта, что в современной России в первую очередь личная ответственность и инициатива каждого члена этнической группы является залогом сохранения и развития титульного языка.

Литература

Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб., 2004.

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

- Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // Малые языки и традиции: существование на грани. М., 2005. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения малых языков.
- Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977.
- Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
- Кибрик А.Е., Даниэль М.А. Предисловие // Малые языки и традиции: существование на грани. М., 2005. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения малых языков.
- Крупа С.В., Ондрейович С. Взаимодействие культур и языков: теория и методология // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте. М., 2002.
- Остгоф Г., Бругман К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960.
- Панарин С. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск, 2005.
- Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Национально-языковые отношения в России на современном этапе // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.
- Хилханова Э.В. Этническая идентичность как фактор сохранения языка // Языковая личность в современном социуме (региональный аспект). Улан-Удэ, 2006.
- Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976.
- CILAR (Committee on Irish Language Attitudes Research). Report. Dublin, 1975.
- Edwards J. Language, Society, and Identity. Oxford, 1985.
- Edwards J. Multilingualism. London, 1994.
- Fishman J. A. Good conferences in a wicked world: on some worrisome problems in the study of language maintenance and language shift // The State of Minority Languages: International Perspectives on Survival and Decline. Lisse, Netherlands, 1995.
- Laponce J.A. Languages and their Territories. Toronto; Buffalo; London, 1987.
- Nelde P., Strubell M., and Williams G. Euromosaic: The Production and Reproduction of the Minority Language Groups in the European Union. Luxembourg, 1996.
- Smolicz J. Culture and Education in a Plural Society. Canberra, 1979.
- Smolicz J., Secombe M. Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups // Australia, Meeting Place of Languages / Ed. by M. Clyne. Canberra, 1988.
- Spolsky B. Language policy. Cambridge, 2004.
- Trudgill P. Sociolinguistics. An Introduction to Language and Society. London, 1983.
- Ussher A. The Face and Mind of Ireland. London, 1949.